

ПОД КРЫЛОМ БОГА

Александр Орлов. Ожившее солнце. Стихи. Воронеж, 2022

Пять разделов в новой книге Александра Орлова «Ожившее солнце».
Пять ниш.
Пять земель.
Пять небес.
Это стиховой дом-пятистенки, такие строят на Севере.
На каждой стене художником нарисован Миръ.
Пройдемся взглядом по этим Мирамъ.
Поймем то, что раньше от взора было сокрыто.

В местах небылиц

Это значит – в местах необъяснимых, неведомых, незнаемых; в местах, что славятся людьми-выдумщиками, сказителями и сказочниками; в местах, что помним не мы – помнит весь наш род, уходящий в даль далей. Это чистой воды апофатика, а граница между былью и небылью так тонка, что становится тончайшим кровеносным сосудом, питающим наш дух, еще способный ощутить Неведомое и Святое.

«Гений места», *genius loci* – говорили латиняне о силе, покровительствующей конкретному клочку земли. Для Александра Орлова гений места парит не только над его родной Смоленщиной, но и над всей Россией. Вся Россия, с ее историей, с ее трагическими сложностями, с ее неземной, воистину небесной простотой – в строках поэта, одновременно и горьких, и торжественных:

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Делившей всех на мертвых и живых.

<...>

И я по ней иду – и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.

Драматизм, даже ясный и яркий трагизм – близок поэту, внятен ему и понятен, более того, востребован им – совершенно по-русски, по-достоевски, по-житийному:

И колосья, что быстро ушли на размол,
Меня молча добром поминали.
От палящего света я всё же ушёл
В Божий сумрак предвечной печали.

И сидел я один, слушал ропот костра
И смотрел в необъятность юдоли...
И за солнцем ушла молодая жара,
Мне оставив нагар цвета смоли.

Пусть не вводят читателя в заблуждение традиционные катрены, узнаваемое деление стихотворения на строфы. Дело не в том, что это традиция (хотя, конечно же, и в этом! в неизбывной любви русского поэта к русской традиции!). Чувство столь необъятно, земно-широко, сходно с ширью поля, с размахом крыльев степного ястреба, что его просто необходимо уложить в строгие, достойные, музыкально-жестко и воински-мужественно звучащие четверостишия. А потом, и двустишия, тоже любимые поэтом (былинные! певучие!..), и четверостишия, вообще классическая ритмоорганизация, традиционный метроритм – это же узнаваемое пространство русской песни; ее куплеты – словно венки на девичьих головах в хороводе (корогоде); ее вскрики то обрядовы, то обнаженно-отчаянны; и как нельзя сильнее и плодоноснее русский стих отзывается на эти древние, слышные нам издали кличи:

Послушай, дух полей, наследник луговин,
Ведь встреча коротка, и скоро я исчезну.
Раскрой мне навсегда ромашковую бездну
И проведи меня в свой праздничный овин.

Песня, конечно же, это песня! Причем это тайное, скрытое, драгоценное, ненавязчивое продолжение удивительных традиций Есенина, Клюева, Никитина...

Вы мне годы не срежете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей!

<...>

Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.

Ночь рассветом разгадана,
Солнце – мой золотник.
Веет запахом ладана
Алой осени лик.

Христианский мирь... языческий мирь... Как же плотно, нераздельно они перемешаны, прошиты друг другом... Александр Орлов чувствует это единство, эту связь как никто другой. И под его пером изображение этой крепчайшей связи превращается в силу, способную повести

за собой народ, заставить его, забывшего о Міроздании, поднять лицо к великим вечным звездам:

Взор пастуха зажётся – и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его – Велес или Власий?

Язычество есть природа. Чувство природы у славянина, у русича неуничтожимо, неубиваемо. Вера в Господа Бога – и вера в Сварога, Велеса, Мокошь... как их совместить?.. или разделить, разрубить? А надо ли? Скорей всего, мы, внутри русской культуры, имеем дело с феноменом соединения двух міровоззрений, двух высоковостребованных народом Вселенных (не будем сейчас говорить о безбожниках или о рациональных людях, оставим цивилизацию за кадром): Вселенной многобожия и Вселенной Бога Единого. Травница у Александра Орлова наверняка ходит во храм и сызмальства поет наизусть Символ веры, и в то же самое время она разговаривает с травами, как с богами, с каждой травинкой, как с почитаемым божеством.

Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.

И плачет в одиночестве навзрыд,
И кается впотьмах под образами.
И верит, что Христос её простит
И примет с испулёнными грехами.

Последний зимогор

А вот оно и русское юродство Христа ради, и русское чудотворство, и русская святость, которая тихо стоит на грани міров – того, который должен погибнуть, по Писанию, и того, что еще не родился. Поэт знает русских святых как родных, они, по сути, люди его Рода, он слышит их дыхание, видит их передвижения по земле, помнит наизусть их слова, и тем самым он, как может, продолжает их – не только славит, но и наследует, не только молится им, но и несет их огонь дальше, во глубину еще неведомых нам времен.

И морозы времени в сугробы
Обращают всё живое вмиг,
И метели, холода, зазнобы,
Словно вдовы, поднимают крик...

И босой идёт домой по снегу
Богом поцелованный хромец,
Растопивший тысячи сердец
И зимы всеильную опеку.

Босой по снегу – да ведь так ходили все блаженные: «вземляй все грехи Міра» – но и клади на свои плечи все страдания Міра, как то сделал Христос Бог; и вот это шествие босиком по снегу – едва ли

не Альфа и Омега, первое и последнее доказательство того, что нестяжание и надмирность, вместе со смирением и терпением, есть первейшие Божии добродетели.

Но удивительным образом чувство русской святости сочетается здесь с чувствами любви, привязанности, нежности и боли, с предчувствием долгожданной встречи, перерастающей в неотвратимую разлуку, с ощущением изначальной, мировой печали, что объёмлет душу влюбленного поэта, рожденную для радости и приговоренную жить-пребывать в холодных снегах зимней бескрайней страны, в царстве льда, в безмерности людской скорби, возжигаемой в ночи факелами, отчаянными кострами надежды.

Вслед – метели песни поют.
Ты меня годами ждала...
Не укроюсь я в бабий кут,
Холода мне роднее тепла.

И теперь – гадай, не гадай –
Время свадеб пришло уже.
Наливай мне браги по край,
Чтоб утихли вьюги в душе. (...)

А рядом с русской святостью и с неприкаянной русской любовью – вечная русская тюрьма, та жестокая неволя, в коей ярче и безусловнее чувствуешь волю, жаждешь ее, как глотка воды в пустыне, любишь ее, ибо только на воле способна жить в полную силу русская душа. Кто виноват в том, что эту свободу, эту волю дано человеку восчувствовать через годы и годы заключения, заточения, насильственного одиночества среди бездны подневольных людей?

Меня спасал в дорогах только Бог:
Я дом забыл, приметы и поверья.
Чего я жду? От неба звёздных крох.
И годы провожу в земном задверье.

Проходит жизнь, но вся она – моя,
И с Небом не прерву я разговора.
Я возвращаюсь в отчие края –
На Сретенье встречайте зимогора.

А раздумья о жизни для русского человека, в особенности для русского поэта – это одновременно и мощные раздумья о смерти; ее поэт не только не боится – любит, видит, живописует, понимает, прощает. Бытие смерти – тоже бытие. Только она для нас для всех неразгадываемая загадка. Нам не разгадать ее никогда; художник, чтобы побороть горечь от каждодневного вкушения этой загадки, может только изображать смерть – и чужую, и далекую, и близкую, и военную, и в миру (и на миру!), и свою собственную:

Через вьюжный вой,
Гиблый снеговал
Шёл я не впервой...
Но сейчас упал.

Кто поможет мне,
Снова силы даст?
Или по весне
Порастает наст?

И найдут бушлат.
И меня под ним.
Был я виноват,
Когда был живым.

Сказочный Сокол Финист

А тут, а тут... самые пронзительные, самые потайные ноты лирики Александра Орлова.

Что есть лирика? До сих пор не знает никто. Уже века культура понимает лирику так: это личное высказывание, это жизнь души, индивидуальные мелодии, что можешь спеть только ты – и о самом себе. Но ведь и эпос не напишешь без души, и народ не изобразишь без сильнейшего чувства личной к нему принадлежности, спаянности с ним.

Финист – Ясный сокол – да ведь это та птица Феникс, что восставала живую из пепла, что, сожженная дотла, возрождалась и взмывала в небеса. Такова и природа человеческой души. Сколько ей ни умирать, а всё возрождается она. И это и ее наказание (опять повторяются страдания!), и ее благо – возможность прожить еще одну жизнь, а быть может, и тысячу жизней.

И опять, опять это неразъемное единство, сочетание человека и Космоса, земного и небесного, дольного и горнего:

Ты от зимы терпел ущерб
И был морозами расколот,
И пробирался к сердцу холод,
И ледяной смеялся серп.

<...>

Казалось, ваши две судьбы
В одну метелью долгой свиты...
И больше не было защиты
От звёзд сияющей волшбы.

И с этим чувством не только земного, но и надземного Простора никакое сужденное одиночество уже не страшно:

Останусь я один, и ширь небес,
Ко мне молчаньем лунным обратится,
И сказ мой будет, словно небылица,
Что подарил с рассветом Водокрес.

И звучание глагола «любить» в прошедшем времени – лишь констатация факта любовного бессмертия, ибо то, что прошло навсегда, повторится в грядущем: так повторяют друг друга звезды ночного беспредельного неба, так повторяют друг друга поцелуи, объятия и слезы, так повторяются рассветы и закаты:

Кто ожидает за светом оконниц
Мой одинокий полночный посыл
И пребывает во власти бессонниц?
Может быть, та, что когда-то любил.

Благотворец

Здесь поэт задумывается о Боге. Шепчет о Боге. Плачет о Боге. Говорит с Богом.

Говорит о Нем с друзьями, с временем, с самим собой.

Бог – во всем сущем. Он и есть все сущее.

Поэт прекрасно это знает, видит, чувствует.

И рядом – опять он, гонимый брат поэта, малый сей, юродивый, христарадник:

Погонят все его в три шеи –
Он удаляется, боясь.
И в глубине пустой аллеи
Он ощущает с Небом связь.

И, чтобы быть ко всем поближе,
Он молится один за нас
Под плач небес в застывшей жиже
В безлюдный час.

Чудесное, полузабытое слово «благотворец»! От него веет и блаженством, и благословением, и благодатью. Смирение, светлое и почти детское, посещает душу поэта и дает ему силы утверждать: «...ведь всё решает Бог». А обреченность земного существования внезапно распадается, как незримые, неведомые врата, а там, за их расходящимися в стороны створками, – необъятное небо, необозримое время, не оплаченное никакими земными слезами небесное счастье:

Такой удел по мне, и что такого?
Я не считал свой временной запас,
На краткий миг даровано мне слово
В момент, когда томительно погас
Осенних ливней обнажённый час,
И не осталось ничего живого...

Но прокричат, как трубы, кликуны,
Раскидывая надо мною крылья –
Что нет в ушедшей осени вины,
Что все мы будем скоро спасены
От жёлтых снов и алого бессилья
В святых отрогах горней стороны.

Над куполами

Одно дело – стоять ПОД КУПОЛОМ.

Другое – лететь НАД КУПОЛАМИ.

Подкупольное пространство есть пространство.

Надкупольное пространство есть Время.

Вот, слово найдено! Александр Орлов напрямую работает с Временем, и здесь он крайне близок моей душе, я, как художник, считаю, что на работу именно с этой материей, вместе сиюминутной и вечной, однажды выходит мастер, и он уже не может без Времени, как и Время не может без него.

Как быть? Как жить? Поэт никогда не дает людям практические советы. Поэзия не только не утилитарна – она дерзко-надмирна, она вызывающе надземна, как бы поэту ни хотелось побыть хоть немного простым, обыкновенным (и даже обыденным) человеком. Обыденность для художника и та согрета высоким безумием, освещена (и освещена) звездными огнями...

Ты несёшься, как вьюга,
Слышишь неба сигнал...
Кто, с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?
Возле чёрного спуска –
Только Бог.

Разговор с Богом продолжается, только здесь, в финале книги, он оправдан и востребован настолько, что чудится: едва ли не это обращение к Небесам – настоящий, подлинный хлеб насущный, кой Ты, Отче, «даждь нам днесь».

А вот оно и соединение тутошнего и запредельного, бытового и за-небесного: дворник – еще чуть, и божество («...быть может, тот дворник – уже полубог, / Сошедший на миг с вдохновенных Небес...»); друзья-поэты еще немного – и евангельские волхвы:

Не зовут меня ангелы в гости,
Превращаются в ветер – слова...
Страхи жизни, меня не морозьте,
Отпустите в снега Рождества!..

Я хочу, чтобы звёзды не гасли
В очертаниях зимней строфы,
И пришли с поздравлением в ясли
Три поэта, как раньше – волхвы...

И – вечная зима. Поэту потребен снег. Он – его причастие, его ситный хлеб, его проклятие и его любовь, холодный, метельный лейтмотив его жизни. Снег, лед, наледь, наст, метелицы, вьюга, зимние звезды – вся зимняя живописность Руси, быть может, создана – и воссоздается автором всякий раз заново – для того, чтобы ярче и жарче горело сердце поэта, неуемное, беспокойное, несказуемое, но бесконечно пытающееся перелиться в слово, в Логос, как в единственно возможную форму бытования, существования Духа:

А вокруг – только снежные кряжи,
Древний город в сугроб превращён,
В магазинах царят распродажи...
Серебрится морозный озон.

Пролетают мгновенно, незримо,
К торжеству оглашенных зовут
Загулявшие два Херувима:
Рождество – через десять минут.

И вот оно, прямое отождествление себя и вечного русского снега, персонификация, говорящая опять о единстве, о родстве, предстояние перед Природой, когда человек имеет уникальную возможность, внутри поэзии, сам стать Природой, воплотиться в ее явление (по сути, Богоявление!.. которое у нас в Православии тоже, надо заметить, зимнее, январское...):

Колдует мне зима
Вселенские снега.
Она сошла с ума,
Подслепаемая карга!..

<...>

Ей, видно, невдомёк,
Она увлечена,
И я – её снежок,
Часть облачного льна,

Часть ледяной крупы,
Серебряных недель...
Синеющей тропы...
Я – снег, покрывший ель.

Финал книги впечатляющ. Это не просто надкупольность – это чувство Бога сохраняющего, спасающего, берегающего, защищающего. Мы – под Его крылом. Понять, почувствовать ЭТО – значит стать воистину счастливым человеком. Счастливым, при всем ясно ощущаемом трагизме жизни, при вечной неотвратимости смерти, при осознании веницы собственных грехов, при незнании завтрашнего дня, при подстерегающем на каждом шагу горе. Это счастье апофатически, неизреченно неотделимо от страдания. Они находятся в неразъемной сцепке. Александр Орлов не старается это подчеркнуть, особо обозначить. Он – внутри этого благословенного чувства – живет.

И это его храм, который он во славу Господа – строит.

Вокруг – движение новых рас,
И время строит казематы.
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз –
Нас поджидает час расплаты.

Но, силы обретая в храме,
В объятьях многоликих свеч,
Мир предстаёт – широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сберечь.